

А. Л. Андреев⁴,
Т. В. Кузнецова⁵

ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО И ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО

После окончания так называемой холодной войны человечество, казалось бы, получило все основания смотреть в будущее с достаточной долей уверенности. Однако наступившая передышка продолжалась недолго. Уже к концу первого десятилетия нового XXI века небосклон стали заволакивать тучи, предвещавшие новые исторические бури. С одной стороны, кризис 2008 года в экономике показал, что формирующаяся в развитых странах экономика знаний столь же неустойчива, как и более традиционные индустриальные экономики. С другой стороны, в этот же период стали проявляться и первые симптомы обострения противоречий между консолидированным Западом и набирающим экономическую и военную мощь Востоком, включая Россию и КНР. Обострилась конкуренция за мировые ресурсы, которая ныне привела к небывалому обострению международных отношений и усилению

внутренней конфликтности во многих странах. Новые всплески международного терроризма, незатихающая гражданская война на Украине, массированный обстрел «Томагавками» объектов сирийской правительственной армии, северокорейская ядерно-ракетная программа, на которую США ответили переброской авианосцев к берегам этой страны, заставляют вспомнить о знаменитом Карибском кризисе 1962 года, поставившем мир на грань термоядерной войны. Что же касается России, то дополнительно к перечисленному она переживает сегодня затяжной экономический спад, результатом которого стал рост цен и безработицы.

Как это отражается на восприятии населением будущего? Судя по данным проведенных в последние 2–3 года социологических опросов, подавляющее большинство наших сограждан (по крайней мере 19 человек из 20) все же считают, что их жизнь в целом складывается сносно. Около четверти опрошенных также полагают, что в ближайшей перспективе (2017) их жизнь изменится или может измениться к лучшему. Однако такое оптимистическое восприятие россиянами *личного* будущего сегодня отнюдь не претворяется в столь же оптимистические оценки будущего как *социально-исторической категории*, относящейся к рамочным условиям человеческого бытия — к тому, что можно назвать состоянием мира в целом.

Похоже, что сегодня мы имеем дело уже не только с рутинными признаками экономического кризиса и даже с очередным «кризисом капитализма» (который сам по себе, скорее всего, действительно назревает) или обычным переделом сфер влияния, но с чем-то намного более фундаментальным, многомерным и, если можно так выразиться, экзистенциальным, касающимся самих основ человеческого бытия. Судя по многим признакам, мир входит в фазу глубокого переформатирования, которое происходит одновременно по нескольким направлениям и, соответственно, сразу на нескольких уровнях его структурной организации. Коренным образом меняются основания глобальной конкуренции, которые начинают принимать отчетливо некапиталистический характер: традиционное соотношение формально калькулируемых экономиче-

⁴ Заведующий кафедрой истории и философии Всероссийского государственного института кинематографии им. С. А. Герасимова, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшей школы РФ. Автор научных публикаций по философским проблемам искусства и социологии, в т. ч. монографий: «Российское образование: социально-исторические контексты», «Образование и образованность в социальной истории России: от Средневековья к Новому времени», «Место искусства в познании мира», «Художественное мышление как эстетическая категория»; статей: «О модернизации образования в России. Историко-социологический анализ», «Интеллектуальные среды: концептуальная перспектива глазами социолога», «Специализация цивилизаций и аттракторы мирового развития» и др. Член Научного совета ВЦИОМ и международного редакционного совета журнала «Мониторинг общественного мнения». Награжден Серебряной медалью П. Сорокина «За вклад в науку».

⁵ Профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Автор более 70 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч.: «Эстетика универсального и эстетика своеобразия», «Национальная политика и традиционная культура», «Парадигма народности в эстетической теории», «История и проблема робота», «Категория истины и проблема художественной правды», «Мода и гламур: тенденции современной повседневной культуры» и др. Член редколлегии журнала «Вестник Московского университета». Заместитель председателя Московского философского общества.

ских потенциалов (вроде уровня ВВП и др.) уступает место ранжированию социальных систем по уровню их сложности и потенциальной креативности¹. Кроме того, в контексте формирования новых социальных моделей происходит ломка традиционной этнической таксономии, сопровождаемая агрессивным формированием новых этнических и квазиэтнических общностей (одним из примеров данного процесса является нынешняя Украина)².

Пожоже, что глобальный мир приближается к точке бифуркации, где перед ним открываются принципиально различные исторические перспективы. Таким образом, столь популярная в 1990-е годы теория Ф. Фукуямы о конце истории терпит полный крах. Это означает, что сегодня мы вновь оказались в ситуации «конкурса» проектов будущего. Участвует ли Россия в этом «конкурсе», как это было 100 лет назад, в 1917 году?

Подобно всем людям на Земле, граждане России стремятся к благосостоянию, современному комфорту, повышению уровня жизни и процветанию. Однако для них важны не только цель, но и средства, не только чисто финансовый эквивалент процветания, но и его социально-исторический вектор. Поэтому россиян волнует вопрос о специализации России в системе международного разделения труда, и отнюдь не только по соображениям материальной выгоды. Он затрагивает их представления о самих себе и в силу этого тесно связан с очень деликатной и тонкой проблематикой идентичности, а в конечном счете с присущей национальному менталитету «картиной мира». «Настоящая», «успешная модернизация», в соответствии с представлениями россиян, — это когда Россия сможет зарабатывать не на природных богатствах, инфраструктуре или выгодном геополитическом положении, а на производстве интеллектуального продукта.

Вместе с тем в подходах к этому кругу вопросов отчетливо проявляется одна из самых характерных черт российского менталитета — сочетание, даже переплетение интенсивных модернизационных устремлений с традиционализмом. В определенном смысле можно сказать, что Россия склоняется к той модели развития, которую, если угодно, можно назвать *традиционалистской модернизацией*. Эта модель, вообще говоря, не является уникальной: нечто подобное демонстрирует миру КНР, в идеологии которой предложенная Дэн

ми о «хорошем обществе» (сяокан)³. Оригинальность российского варианта надо видеть скорее в композиции актуализируемых и привлекаемых на службу современности традиций. В ней собственно народные обычаи сочетаются, с одной стороны, с реминисценциями времен Российской империи, а с другой — с многочисленными элементами советского прошлого.

Исторические проекты — это не просто какие-то теоретические конструкции или некие бесстрастные прогнозы, описывающие ход истории. Их реализация связана с наличием эмоционально напряженных ожиданий, которые можно определить как коллективные мечты. Самым известным хрестоматийным примером является, как известно, «американская мечта». Но в последнее время обсуждается и вопрос о «европейской мечте», а Си Цзиньпин еще в 2012 году заговорил о «китайской мечте». А есть ли сегодня у россиян какая-либо общая мечта, объединяющая людей разных верований, убеждений и национальностей на почве сходных стремлений к достойному будущему? Мы бы воздержались от безапелляционных суждений по данному вопросу. Ныне российское общество сильно фрагментировано, и противоположность интересов различных его слоев не способствует формированию единства устремлений. Если «русская мечта» в настоящее время и существует (или складывается заново), то она, безусловно, размыта, и было бы, пожалуй, весьма затруднительно выразить ее в столь же четко артикулированном виде, в каком в настоящее время выражены американская и европейская мечты или, допустим, мечта о новом исламском мировом порядке.

Однако результаты проведенных в последние годы социологических исследований указывают на то, что в массовом сознании совершенно определенно имеются все те компоненты, из которых «синтезировалась» русская мечта в прошлом⁴. Это сильно выраженное чувство справедливости, приверженность социальному равенству, понимание свободы как «воли», идея государства как «общего дела» и, наконец, приоритет социальных прав над политическими. Не с реализацией ли этой социальной программы связаны надежды наших сограждан на преодоление системного кризиса современного глобального мира и на его переход в «спокойную» фазу развития?

Сяопином концепция «четырех модернизаций» совмещается с традиционными конфуцианскими представлениями

¹ См.: Неклесса А. И. Создание будущего // Рабочие материалы Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. М.: Интелпрос, 2016.

² См.: Андреев А. Л. Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства // Общественные науки и современность. 1996. № 1.

³ См.: Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь мир, 2016. С. 153.

⁴ См.: О чем мечтают россияне: идеал и реальность. М.: Весь мир, 2013. С. 53.